
АЛЕКСИС ДЖЕЙ ФОКС
ГРЕЗЫ АФРОДИТЫ
ТОМ 1

Алексис Джей Фокс

Грезы Афродиты

«Литнет»
2024

Джей Фокс А.

Грезы Афродиты / А. Джей Фокс — «Литнет», 2024

Чтобы получить должность редактора, молодая журналистка Эмили проникает в нью-йоркский секс-клуб, что эксплуатирует девушек и юношей для утех влиятельных богачей. Собирая информацию для его разоблачения, она невольно раскрывает свои тайные стороны и свою сексуальность.✍# Под редакцией Виктории Килеевой.# Аудиоверсия — Виктория Мартынова.✨ Мой литературный дебют. Всем героям в книге от 18 лет и больше. Первый том завершен. Благодарю всех за прочтение и буду искренне признателен за любую обратную связь, лайки и подписки Победитель конкурса «Любовь на грани риска» — 3 место Книга вышла в бумаге (печать по требованию). Доступна к покупке на Ozon и Wildberries.

© Джей Фокс А., 2024
© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 15
Глава 3 23
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Глава 1

В комнате висело молчание, нарушаемое лишь зловещим скрипом вентилятора на потолке. У обшарпанной кирпичной стены, освещенной красной лампой, стоял мускулистый охранник. Часы над его головой показывали девять вечера.

— Выбор за тобой, — спокойным, но угрожающим голосом произнес он, медленно расстегивая ширинку.

Эмили почувствовала, как ее сердце на мгновение замерло, а затем начало бешено колотиться, словно пытаясь вырваться из груди. Она понимала, что если сейчас испугается, уйдет, убежит, то это просто конец. Конец всем ее планам и воцарившейся надежде на заветное повышение, которое уже было не просто каким-то мимолетным желанием, а настоящей и вполне осязаемой мечтой.

Дрожащей рукой она сняла очки, с которыми почти никогда не расставалась из-за испорченного книгами зрения, и мокрыми от слез, серыми глазами вновь посмотрела на мужчину. Капли пота медленно скользили по прилипшим ко лбу черным волнистым прядям и падали на потрескавшийся бетонный пол.

— У тебя минута, — равнодушно посмотрел на часы охранник.

«Минута, несчастная минута. Та самая, которая длится секунды, а не часы. Та самая, которая одним лишь своим гребаным существованием заставляет вулканы извергаться, а звезды — гаснуть». — Фраза из утреннего детективного романа ослепительной вспышкой пронеслась в сознании Эмили и мгновенно унесла ее мысли к началу этого злополучного дня.

«Хотя бы необычно», — закрыв книгу, подумала Эмили и, вытащив из ушей наушники, вновь ощутила гул толпы, вечно куда-то едущей в такую, как ей казалось, рань. Свист тормозов поезда намекал на то, что пора, и, нехотя встав, она аккуратно протиснулась к выходу из вагона.

Табло с часами на станции показывало десять утра. «Да как так-то?» — в очередной раз удивилась Эмили, ускоряя шаг к эскалатору. Нельзя сказать, что ей нравились такие ежедневные пробежки, но, несмотря на все старания, иначе пока не получалось.

Выскочив из метро в самом сердце Манхэттена и щуря глаза от яркого октябрьского солнца, она тут же направилась в свою любимую нью-йоркскую кофейню, расположенную буквально через дорогу от офиса, где юная журналистка честно трудилась в должности стажера кулинарной рубрики некогда популярного журнала «Девичьи секреты». Эмили искренне считала, что начинать рабочий день без кофе — это все равно что играть в боулинг шаром без дырок: ты его, может, и кинешь, а вот удовольствия и комфорта ну точно не получишь.

Гул мегаполиса и казавшийся прохладным из-за пробежки ветерок незаметно уступили место приятной тишине и уюту. В кофейне было, как всегда, спокойно и по-домашнему тепло. Панорамные окна, аккуратные круглые деревянные столики, стены из красного кирпича и неповторимый аромат свежемолотых зерен.

— Двойной, — сделала заказ Эмили, торопливо переминаясь с ноги на ногу. — Только, Сэм, давай уже без этих своих сердечек. И три сахара, пожалуйста, не забудь.

— А что не так с ними? — смутился бариста, молодой худощавый юноша с черными как смоль глазами.

— Просто не нужно.

— Это из-за моего лайка в инсте? Я! Я все объясню! — лихорадочно выискивая что-то в смартфоне, произнес он.

— Боже, да я даже не знаю, о чем ты, — нервно взглянула на часы в кофейне Эмили.

— Тогда не пойму, мне казалось, у нас…

— Да сделай мне уже этот чертов кофе, блин! Я опаздываю, Сэм, не видишь, что ли? — перебила она.

— Тише ты. — Бариста медленно поднес ароматный стаканчик к стойке. — Я сварил заранее, поэтому прости, тут с сердечком.

— Да давай ты его уже сюда. — Эмили осторожно, дабы не расплескать, вытянула из его рук свой любимый напиток и быстрым шагом направилась к выходу.

Сэм мечтательно улыбнулся. Опустил взгляд на ее тонкие щиколотки, которые, как он считал, особо изящно смотрелись в этих заношенных белых кроссовках, и с надеждой помахал вслед.

Взяв у аниматора за дверью буклет с рекламой доставки и прикрываясь рукой от назойливого солнца, Эмили тут же побежала к светофору. Журналистке почему-то постоянно казалось, что слово «нет» большинство мужчин воспринимают как «да». Как некий вызов, как проверку на серьезность намерений и волшебную кнопку активации режима Казановы. Просто иначе поведение отшитых ею ловеласов она объяснить не могла.

Да, она была миниатюрна и стройна, харизматична и умна — наверное, даже идеальна для некоторых. Но все это внимание ей было не нужно. Эмили берегла себя для кого-то особенного, кого-то, кто станет для нее всем — по-настоящему всем, а не поступит с ней, как Стив… «кобель» Стив Моррисон. Та самая школьная любовь, тот самый первый раз, в одночасье ставший ледяной могилой для всех ее желаний и чувств. Могилой, которая до сих пор томит в плену ее душу и мешает открыться, встретить наконец того, пусть и второго, но для нее единственного. Того, кому она без тени сомнения позволит быть рядом и полностью ею овладевать.

Взглянув на часы смартфона и остановившись у светофора, Эмили спешно нажала кнопку смены его сигнала, но тот почему-то светиться зеленым не захотел. «Ну же», — подумала она, продолжая нетерпеливо давить на злосчастную клавишу, краем глаза замечая взъерошенного голубя. Жалобно прижавшись сломанным крылом к асфальту, он испуганно таращился на снующие туда-сюда машины и что-то курлыкал им на своем голубином языке.

В таких ситуациях Эмили всегда действовала, как правило, по зову сердца. И, сама не до конца понимая как, она уже бодро стояла посреди дороги, уверенно вытягивая руку навстречу мчавшемуся в ее сторону такси.

— Да стой ты! — сквозь оглушающий визг тормозов прокричала Эмили.

— Ты больная, что ли?! — В окно затормозившего рядом с ней автомобиля высунулся разъяренный таксист.

— А ты слепой, что ли? Птицу не видишь?! — аккуратно прижав к груди голубя, парировала Эмили. — Носитесь тут сломя голову!

Не обращая внимания на сигналы недовольных автолюбителей и громкие ругательства в свой адрес, Эмили трусцой перебежала дорогу и, как всегда, все усугубив, спровоцировала небольшой, но простительный, как она в тот момент думала, коллапс.

— Сэр! Сэр! — ловя косые взгляды прохожих, прокричала Эмили в сторону давно заметившего инцидент стража порядка.

Офицер полиции демонстративно поправил темные «авиаторы» и, расправив плечи, подошел ближе.

— Вы в порядке, мэм? — Он как-то наигранно уткнул руку за пояс, явно стараясь произвести впечатление этой своей позой.

— Думаю, да, — невзначай осмотрела себя журналистка. — Но птица, офицер. Птица, кажется, сломалась. — Она бережно опустила на тротуарную плитку напуганного голубя. — С крылом что-то.

Страж порядка нехотя снял очки и посмотрел на Эмили. Посмотрел как-то странно.

— Вы знаете, сколько правил сейчас нарушили, мэм? — достал бланк полицейский. — Боюсь, я все же буду вынужден выписать вам штраф.

— Да я тут жизнь, между прочим, спасала, а он — штраф, — моментально обиделась Эмили. — У вас вон вообще светофор не работает, если уж на то пошло, — продолжала возмущаться она, поглаживая голубя. — Перелетать надо было, что ли?

— Будьте добры, документы, мэм, — черство произнес офицер.

— Ну, сэ-э-эр, — до конца осознав всю серьезность ситуации, расстроилась Эмили, вновь посмотрев на часы смартфона.

— Документы, мэм.

После тягомотины с протоколом Эмили передала птицу на лечение под честное слово полицейского и вихрем понеслась на работу.

Минутная стрелка часов над входом в офис тем временем уже понуро смотрела вниз. В просторном светлом помещении с широкими окнами и стенами из старого кирпича, украшенными выпусками старых журналов, как обычно, царила атмосфера кипящей работы. Погруженные в рутину журналисты, громко клацая по клавишам, усердно набирали тексты, а суетливые редакторы в свойственной только им манере паниковать скакали между стоящими в пять рядов, черными столиками и, выразительно жестикулируя, доходчиво разъясняли важность своих правок и горящих дедлайнов.

Залетев внутрь и не успев толком отдышаться, Эмили сразу же направилась к своему рабочему месту рядом с окном — чистому и ухоженному столику, на краю которого в пластиковом стаканчике торчал одинокий, но зато такой гордый кактус Паскаль. Все канцелярские принадлежности располагались на строго отведенных местах и параллельно друг к другу. В рамочке, как и у всех коллег, у нее тоже стояло фото, но на нем был не живой человек, как у них, а умершая пять лет назад мама.

Недолго думая, Эмили сбросила джинсовую куртку на спинку стула и быстро нырнула под стол. Включила компьютер.

— Уайт, чтоб тебя! — На Эмили обрушился писклявый, будто крик восставшей из могилы банши, и всегда режущий барабанные перепонки голос. Голос Мартишы Дэвидс — главного редактора кулинарной рубрики и по совместительству ее прямой начальницы, которая никогда не отличалась легким нравом и была предельно требовательна к своим подчиненным.

Пожилая дама с короткими седыми волосами и очками-стрекозами в пугающем ритме барабанила алым ногтем по стеклышку наручных часов и недовольно смотрела на Эмили.

— Десять тридцать три! — вновь испытала на прочность слух Эмили Мартиша. — Напомни мне, Уайт, во сколько начинается твой рабочий день?!

— Я до вечера собиралась остаться. Доработаю эти полтора часа, мэм! — глухо донеслось из-под стола.

— Нет! Хватит! Ты две недели тут и еще ни разу, чтоб тебя, Уайт, ни разу не пришла вовремя!

Мартиша сегодня явно была не в духе.

— Честно, больше не повторится. — Эмили откатила перекрывающее обзор снизу кресло и жалостливо посмотрела на босса. — Обещаю, мэм.

— Эти твои «не повторится», Уайт… — украдкой посмотрела в окно Мартиша. — Но это последний, слышишь? Последний раз, когда я даю тебе шанс!

— Не подведу, мэм!

— К двум чтобы статья была у меня!

Мартиша метко бросила стопку фотографий с выставки тортов на клавиатуру.

— И хватит там сидеть, работай давай, — постучав костяшками по столу, строго добавила она и, цокая каблуками, удалилась в свой кабинет.

Эмили, можно сказать, привыкла к таким последним шансам и крику начальницы, но это все же не то, с чего она бы хотела начинать свой день. Поэтому, чтобы снова не забыть, жур-

налистка сразу установила будильник на пять утра, а затем, достав из тумбочки шоколадный батончик, откинулась в кресле и принялась рассматривать снимки.

— Пс-с-с, — привлек внимание Эмили ее коллега Эрик, сидящий за соседним столиком.

Этот голубоглазый блондин, признанный красавчик, который явно следил за своей фигурой и внешним видом, для Эмили был исключением из выдуманных ею же правил общения с мужским полом. Тем единственным, с кем получалось находить общий язык и весело коротать рабочее время.

— О, привет! — повернулась к коллеге Эмили и тихо поздоровалась.

— На две минуты раньше, — шепотом похвалил Эрик, показывая в сжатом кулаке большой палец.

— А то! Старалась так-то, — улыбнулась журналистка. — Бежала.

Эрик подкатился чуть ближе.

— Мне тут птичка кое-что напела…

— Та-а-ак, — не скрывая любопытства, протянула Эмили и откусила шоколадку.

— Джоанна с Эмерсон поцапались. Тут такое было, говорят. Весь офис на уши поставили.

— Да ты че? — широко открыла глаза Эмили. — И-и-и?

— Уволила!

— Да ну тебя! Она же топ!

— Уволила, я тебе говорю!

— Вот это поворот, я тебе скажу, — уставилась на клавиатуру Эмили. — Прям поворотище, — медленно повторила она.

— Твой шанс!

Журналистка тут же усмехнулась и махнула рукой.

— Ну, скажешь тоже. Мне бы тут усидеть как-то.

— Эми, да ты же только об этом и говоришь постоянно. А теперь, когда должность свободна?

Та на мгновение задумалась, а потом ее глаза заблестели.

— Пойти к Эмерсон? — тут же воодушевилась она.

— А ты еще не ушла? — приподнял густые брови Эрик.

— Блин, спасибо тебе, — от всего сердца сказала Эмили и снова откусила шоколадку. — Ты настоямщий, правмда, настоямщий друг, — прожевала она. — Да что уж там, целое дружище! Такое, знаешь, большое и до-о-о-оброе.

Они в унисон рассмеялись.

— Да брось, Эми.

Эмили еще раз искренне улыбнулась и принялась выбирать снимки, нужные ей для описания мероприятия.

«Друг… просто друг». — Слова Эмили, как надоедливая пластинка, продолжали крутиться в голове Эрика, оставляя все новые и новые раны на изнывающем от боли сердце. Сомнений нет, он сам виноват в этом страхе. Страхе быть отвергнутым и потерять даже то малое, что их связывает. Но побороть и искоренить эту выедающую волю неуверенность он, увы, не мог.

Она ведь была особенной. Той, про кого говорят «навсегда». Той, при виде которой гаснут все мысли, оставляя после себя лишь образы и фантазии — очертания переплетенных в космической пыли тел, что наполняют жизнь смыслом и заменяют весь мир.

Взгляд Эрика невольно упал на ее руки, на эти длинные пальцы, что бережно раскладывали фотографии. На миниатюрную фигуру, круглые, размером с грейпфрут, бугорки под белой майкой. На аккуратные икры, красивый изгиб которых проступал через ткань голубых джинсов, и нос… Этот волшебный кончик носа, всегда смотрящий вверх, будто томящийся в ожидании, пока на него сядет бабочка.

Это душило его и одновременно помогало дышать. Жить робкой надеждой на то, что придет тот самый, вожделенный всей душой момент, и он наконец распахнет… выпустит весь этот бушующий и сжигающий изнутри ураган чувств, который ее покорит и навеки сольет с ним в бесконечном танце затмевающей звезды любви.

Часы в офисе показывали ровно два. С легкой болью в спине, но не скрывая улыбки, Эмили вышла из кабинета Мартиши. С приятным чувством вновь сданной в срок работы она посмотрела в сторону матовой стеклянной двери, позади которой и пряталось то самое сердце журналистского котла, — кабинет, как все ее называли, ведьмы Лукреции Эмерсон, шеф-редактора и основательницы журнала.

«Вот объективно если, сколько раз меня должны были уволить? Вот сколько? А почему я еще тут? Почему я делаю все намного быстрее других, даже когда, казалось бы, и успеть-то нереально? А? Да потому что я талантище! Блин, и ведь реально так. Даже Дэвидс, наверно, уже смирилась с моими опозданиями. Я ведь настоящая маэстро журналистики! Ма-эс-тро! Звучит-то как! А это значит, что и рост должен быть тоже стремительным, так же? Так. Нет, прав дружище мой, прав Эрик. Это мой шанс, и упустить его сегодня я просто не могу. В конце-то концов, ну не съест же она меня… Ведь не съест?» — подумала Эмили и уверенно направилась в сторону кабинета.

Уютная комната, освещенная панорамным окном с видом на Бруклинский мост, была со вкусом обита красным деревом. За массивным лакированным столом восседала Лукреция. Уже в возрасте, но довольно эффектная дама с окрашенными в пепельный цвет волосами. В восьмидесятые она не сходила с обложек модных журналов, участвовала в различных дефиле и была желанной гостьей на любом значимом городском мероприятии. Поэтому до сих пор, даже несмотря на постоянные боли в ноге после аварии, она всегда грациозно вышагивала и безупречно держала осанку.

— Да-да. — Услышав осторожный стук в дверь, Лукреция элегантно поправила красный блейзер от Louis Vuitton.

— Миссис Эмерсон. — Журналистка робко вошла в кабинет и подошла к столу.

Лукреция посмотрела на Эмили. Посмотрела внимательно.

— Как две капли воды, — тихо вырвалось из уст основательницы журнала.

— Простите, мэм?

— А вы, собственно… — тут же сменила тему Лукреция.

— Эмили. Эмили Уайт, мэм. Я у вас работаю.

— Да? Недавно, наверное. — Лукреция изящно откинулась на спинку мягкого велюрового кресла болотного оттенка. — Вы присаживайтесь, присаживайтесь.

— Спасибо, мэм, но я лучше постою, — вежливо улыбнулась Эмили. — Насиделась, если честно, за сегодня уже.

— С чего вы взяли, что это была просьба? — вопросительно подняла бровь Лукреция.

— Ой… — тут же занервничала Эмили. — Просто… Простите, я…

— Вы что, боитесь? — холодно перебила Лукреция.

Эмили, теребя пальцы, неуверенно кивнула.

— У меня в редакции нет места страху, юная мисс Уайт, — хладнокровно сказала начальница.

— Простите, мэм, я волн…

— К делу, — снова грубо перебила Лукреция.

— Мэм, вы знаете… Наверно, не берите в голову. Я… Да и не срочно было… Лучше пойду, — окончательно переволновалась Эмили, сделав шаг назад.

— Мне вас уволить? — как-то пугающе спокойно спросила Лукреция и посмотрела на недавно сделанный маникюр вишневого цвета.

— Ув… Как уволить? — По телу Эмили тут же промчалась дрожь.

— А мне здесь не нужны неуверенные в себе сотрудники. — Лукреция резко встала и авторитарно уперлась руками о столешницу.

Слова основательницы журнала будто нокаутирующей оплеухой влетели в сознание Эмили, моментально окутав и без того хаотичные мысли беспросветным туманом. Но даже через него она отчетливо слышала свой громыхающий эхом по вискам внутренний голос: «Какая ж я дура! Ну курица тупая! Зачем?! Зачем я его послушала?! Теперь-то что делать? Ну вот что, блин?»

— Я хочу должность редактора рубрики «Секреты закулисья». Я достойна, и вообще это… это моя мечта. Вот, — вытянулась в струнку, как на детском утреннике, Эмили и вложила всю волю в прыжок через страх.

Она, конечно, ожидала всякой реакции, но не такой. Не этого смеха — истеричного, звонкого, переходящего в ржание спаривающейся лошади, который заставлял не просто краснеть, а по-детски плакать.

— Простите, мисс Уайт, но вы же понимаете, насколько абсурдна ваша просьба? — сквозь смех произнесла Лукреция. — У вас нет ни знаний, ни опыта, ни характера, и, уж простите за откровенность, журналистского стержня тоже нет.

— У вас, наверно, тоже не было его… опыта-то этого, — сдавленным голосом произнесла Эмили, чувствуя, что от обиды вот-вот расплачется.

— Не было… Но я всегда, слышишь, всегда была уверена в себе! Держала хватку! Да я готова была разорвать за материал, у меня огонь в глазах горел, Уайт! Пылал он в них, понимаешь?! — сорвалась и ударила кулаком по столу Лукреция. — А ты? Что ты? Только сопли жуешь тут, стоишь и время мое тратишь!

— У меня тоже это все есть, — опустив глаза и буквально выдрав из себя последние силы, пробубнила Эмили.

Казалось, из Лукреции сейчас пойдет пар.

— Да ты издеваешься?! Работать иди, пока и правда не уволила!

Эмили замерла и испуганно посмотрела на Лукрецию.

— Вон, я сказала! — еще громче ударила кулаком по столу основательница журнала и резко указала на дверь.

«Опять все испортила», — грустно подумала Эмили, окунаясь в соленую от внутренних слез реальность, и поковыляла к выходу.

Покинув кабинет Лукреции, она понуро добрела до кофемашины и сварила любимый напиток. Удерживая чашку обеими руками, чтобы из-за дрожи в пальцах не расплескать ее содержимое, Эмили вернулась на рабочее место и уныло уставилась в окно. Тучи уже заволокли когда-то яркое и теплое осеннее солнце, а ветер неустанно гнул и оголял еще с утра такие нарядные и пестрые липы. Моросил дождь.

Эмили отчаянно пыталась понять, найти причину тому страху, что так дерзко обуял ее в кабинете Лукреции, но, увы, не находила. Раз за разом она прокручивала в голове самые тревожные моменты своей жизни, упорно пытаясь вспомнить хотя бы одну ситуацию, где она бы была в такой сильной власти этого мерзкого чувства. Даже когда она хоронила маму, оставшись один на один с жизнью, ей не было так боязно, как там, в этом «ведьмином сердце» журнала. Что уж говорить о лете, том самом, когда ей день за днем приходилось слоняться по Таймс-сквер, выпрашивая с табличкой в руках деньги, которых не хватало на колледж даже после ночных подработок. Ведь такого страха и в помине не было, а стыда-то – уж тем более.

Медленно, но верно давящий одним лишь своим фоном рабочий день подошел к концу, а царивший все это время стук по клавишам умолк. Размытый диск багряного солнца не спеша уплывал за горизонт и уступал свое место тьме. Эмили, так и не написав ни единого слова, пялилась в окно, безразборно тыкая по кнопкам клавиатуры, а затем лениво стирала получившуюся белиберду.

«Да пошла ты!» — в сознании журналистки неожиданно даже для нее самой рванул заряд всей этой накопленной и забродившей за полдня обидной ярости. Ярости, что была не просто потоком эмоций, а настоящим решением во что бы то ни стало показать этой ведьме, что она ошибается. Решением окончательным, бесповоротным и твердым. Возможно, роковым, но все равно твердым.

Недолго думая, Эмили вскочила с кресла и посмотрела по сторонам. Убедившись в своем полном одиночестве и на всякий случай пригнувшись, она осторожно пробралась к столу бывшего редактора рубрики «Секреты закулисья». «Ну, должно же тут быть хоть что-то. Должно!» — надеялась она найти любые, даже самые малые наброски того, чем занималась Джоанна. Того, что заставило ее уволиться и отказаться от дела. Ее! Джоанну, блин, Брикс! А затем Эмили, конечно же, воспользуется этим всем, дабы раз и навсегда утереть нос Эмерсон, и получит свое заветное повышение. Не сказать, что план выглядел продуманным и идеальным, но другого у нее сейчас не было.

Аккуратно пролистав все заметки, осмотрев ящики в столах и даже битком заваленное мусором ведро, она так ничего и не нашла. Отчаявшись, села в кресло и устало положила голову на стол.

Часы показывали семь часов вечера, а Эмили так и продолжала отлеживать ухо, грустно следя за шагами секундной стрелки. «Домой, наверно, пора», — смирившись с поражением, подумала она и, неловко потянувшись, уронила на пол коврик для компьютерной мыши. «Еще и корова», — тут же мысленно отругала себя журналистка и, нехотя опустившись на колени, случайно заметила фото, приклеенное с обратной стороны коврика. Фото вывески клуба «Грезы Афродиты» с адресом и ярко-красной надписью на обороте «Сраный Вавилон!».

«Вот же оно!» — воодушевленно подумала Эмили, разглядывая снимок. Чувствуя, как учащается ее пульс, она осторожно положила находку на стол и сфотографировала.

— Эми?! — неожиданно раздался за спиной знакомый голос.

— Эрик! — взвизгнула от испуга та, чуть не выронив смартфон на пол. — Ты! Ты чего тут?!

— С полей, за вещами.

Эрик устало подошел ближе и обратил внимание на привлекающее своей яркостью фото.

— Брикс, что ли, забыла? — Он повернул снимок на столе.

— Не знаю, — пожала плечами Эмили. — Искала тут ее заметки, дописать статью надо. Лукреция так-то задание дала… Ну, мол, посмотреть, как я себя проявлю, все дела, и увидела вот. — Она с трудом подбирала слова, стараясь звучать убедительно.

— Так ты ходила к ней? Серьезно?! Эми! Это же…

Эрик импульсивно рванул к ней и в искреннем порыве радости попытался обнять, но Эмили, прижав смартфон к груди, резко отступила.

— Надо… Может… может, отметить? — неловко продолжил он, опустив руки.

— Прости, — смущенно прошептала Эмили и, в спешке накинув джинсовую куртку, тут же помчалась к выходу из офиса.

— Эми, постой! Постой же! Я не хотел!

Незадачливый коллега, будто ожидая, что она вернется, все сверлил взглядом закрытую с той стороны дверь. Эрик понимал, что поспешил, что нарушил ту заветную дистанцию, которую так свято всегда соблюдал. Поддался эмоциям… желанию радоваться, праздновать вместе с ней. А сам… сам даже боялся позвонить, узнать, как она. Ведь если бы с Лукрецией все прошло не так и Эмили бы нуждалась в утешении и поддержке — хотя бы словом, хотя бы звонком, — то он был просто обязан набрать ее номер, но снова, увы, не решился.

С силой ударив кулаком по столу, Эрик тут же возненавидел себя и уныло склонился над снимком клуба. «Сраный Вавилон», — алая надпись будто ожила в отражении его глаз и закровоточила. Каждая буква в ней, казалось, источала опасность, заставляла волноваться.

«Да не пойдет она туда, хватит накручивать. Она же сказала, заметки искала», — подумал он и, схватив фото, разорвал его на мелкие кусочки, а затем затолкал как можно ниже в мусорное ведро.

В мрачной комнате продолжало висеть молчание, а часы так и показывали девять вечера.

«Дура! Вот же дура! Ну почему я с Эриком-то не осталась? Праздновали бы сейчас в каком-нибудь ресторане мной же придуманную победу. Да блин, хотя бы взвесила все последствия, а не бежала сломя голову в этот гребаный клуб. И что я хотела этим доказать? Вот что? Что мой страх в кабинете ведьмы был исключением каким-то? Что я ничего не боюсь? Дура! Дура! Как же я ошибалась…» — прокрутив пролетевший за секунды в голове день, Эмили вновь перенеслась в мрачную комнату, где сейчас стояла перед роковым, как она считала, выбором, и уже точно понимала, что не просто боится, а испытывает нечеловеческий ужас.

«Нужно собраться… Собраться. Слишком поздно отступать, да и просто нельзя. Нельзя лишать себя смысла жизни, своих желаний, своего «я» из-за каких-то там общественных стереотипов, аморальности, стыда, нравственных принципов и этой долбаной школьной травмы со Стивом. Просто нельзя. А клятва? Клятва на могиле мамы? Я же обещала ей. Нет, решено, если это цена за спасение других, то так тому и быть. Пусть я пожертвую собой, телом, гордостью, но зато не позволю этим клубам, извращенцам и насильникам спокойно существовать. Не дождетесь. Просто не дождетесь. Я получу эту должность, я буду писать о вас правду, буду выводить на чистую воду и закрывать. Закрывать вас всех. Мама, слышишь? Я пойду до конца», — взвесила ситуацию Эмили и, смотря в глаза охраннику и своему страху, сделала уверенное движение вперед.

Шаг за шагом ее стройный силуэт, ранее сокрытый во мраке, медленно обретал черты и заполнялся багряным свечением лампы. Скрип потолочного вентилятора становился все громче, а раскаленные потоки воздуха, идущие от него, буквально высушивали катившиеся по щекам слезы.

— Вниз, — властно указал охранник на расстегнутую ширинку.

В этот момент ее лицо больше не выражало никаких эмоций: ни тревоги, ни ужаса, ни волнения. Не было ничего. Даже влажные дорожки, где совсем недавно текли блестящие ручейки, пересохли. В глазах царила пустота. Опустив взгляд, Эмили встала на колени и смахнула в сторону взмокшую от пота, цеплявшуюся за ресницы челку.

— Доставай, — охранник грубо закинул ладонь ей на затылок.

Не раздумывая ни секунды, Эмили осторожно запустила пальцы в ширинку его брюк и, высвободив член из плена трусов, медленно и аккуратно вытащила наружу. Робко подняв глаза, она посмотрела в равнодушное, но привлекательное лицо охранника, а затем прикоснулась к основанию члена. Нежно сомкнула пальцы вокруг и сразу ощутила, как его гладкая плоть начала расти в размерах.

— Гладь. — Охранник облокотился на кирпичную стену, придерживая Эмили за затылок.

Безоговорочно повинуясь, она не спеша провела кончиками пальцев по его затвердевшему члену. Багряный свет лампы ярко отражался в ее бесцветном маникюре и вспыхивал на ногтях при каждом поглаживании влажной от пота плоти. Плоти, непонятно почему искушающей, манящей, но в то же время отвратительной и грязной. Вспотевшей рукой Эмили застенчиво сдавила основание стоящего колом члена и плавно скользнула к головке, а затем не спеша вернулась обратно, полностью оголив ее.

— Быстрее, — наматывая на кулак волосы Эмили, прищурил глаза охранник.

Это доминирование, эта власть, эта грубость отзывались у Эмили унизительной, но в то же время возбуждающей болью, а ее густые, жалобно сведенные брови, словно моля отпустить, напряглись. Она хотела кричать, но не могла. Из ее уст вырывался лишь испепеляющий цело-

мудрие поток раскаленного похотью воздуха. Он плавно переходил в звонкий, ласкающий слух стон, а затем снова утихал.

Пальцы Эмили скользили по всей длине члена и раз за разом описывали у мокрой головки круги. Пачкались в скользких выделениях и возвращались обратно, увлажняя спермой всю его горячую плоть.

— Еще. — Охранник небрежно потянул Эмили за волосы, заставляя смотреть на него.

Взгляд ее теперь был насильно прикован к его властному взору, а потные ладони, хлюпая, терлись о член. Эмили вкладывала в каждое движение всю свою решимость и волю. Вкладывала все. Через силу она подавляла тот ужасный стыд, что хоть и на миг, но миг, казавшийся вечностью, неустанно давил и пытался сломить ее дух. Эмили чувствовала, как тело охранника постепенно окутывает дрожь, как оно содрогается от этих резких, сдавливающих край головки круговых движений, и продолжала.

Пальцы охранника все сильнее сжимали взъерошенные волосы Эмили и грубо тянули к себе, принуждали покорно вжиматься щекой в его пресс. Стук бешено пульсирующего сердца мужчины эхом проносился по всему напряженному телу Эмили и с каждым новым ударом намекал на то, что это он… он в ее власти, но никак не она.

Это налетевшее, как цунами, откровение, этот взрыв сознания возбуждающей волной промчался по всем эрогенным зонам Эмили и непроизвольно вылился в громкий пронзительный стон. Стон, что заставлял охранника теперь уже не просто трястись, а с криком начать извергаться. Брызгать горячей спермой в ее подбородок, а затем струями бить о выставленную в спешке ладонь. От пальцев Эмили неприятная липкая жидкость стремительно разлеталась по комнате и падала мелкими каплями на ее джинсовку и пол. Руки охранника все сильнее прижимали голову Эмили к животу и уже не оставляли ни единого шанса вырваться или уклониться от летящих, как из фонтана, потоков эякулята, что теперь так бессовестно пачкали ее лицо.

Но нет. Нет в мире ничего вечного, и, конечно, оргазмы тому лучшее подтверждение. Тело охранника постепенно обмякло, а пальцы разжались, медленно высвобождая журналистку из своих страстных оков. Последняя капля спермы, что так вальяжно стекала по ее руке, последний вздох… И уже с чувством отрезвляющего отвращения к себе Эмили, скользя щекой по прессу и ногам охранника, скатилась вниз. Ее руки стыдливо закрыли голову, а взгляд уперся в растресканный бетон. Часы показывали девять часов пять минут вечера.

— На входе покажешь, — швырнул ей синий браслет охранник и, застегнув ширинку, настораживающе спокойно вышел из комнаты.

Скрип потолочного вентилятора продолжал давить, а Эмили все так и сидела, уткнувшись лбом в холодный пол. Из ее глаз сочились обидные слезы, тело пронизывала словно клеймящая грязным пороком дрожь. То, что произошло сейчас, окончательно и бесповоротно затмило все ее прошлое. Затмило все. И если еще каких-то пять минут назад она думала, что самым унизительным в ее жизни был истеричный хохот Лукреции, то сейчас она была готова слушать этот смех каждый день, лишь бы не осознавать, не жить с этим чувством, что ее использовали как вещь. Как сраную вещь, что покорностью заслужила от хозяина заветную похвалу, которая теперь, словно нашествие саранчи, выедала на корню все ее достоинство, самолюбие и честь. Разрушала, казалось, навсегда, возникшую иллюзию о доминантном положении в этой пищевой цепочке похоти и разврата.

Медленно встав с пола и утерев лицо, Эмили осторожно подняла браслет и удрученно уставилась на него. Ее сознание отказывалось понимать, что она не проиграла, а наоборот — победила. Что все ее мечты стали еще ближе, а цели только сильнее укрепились. Ведь теперь она не просто знает, а на своей шкуре почувствовала, как тут поступают с заблудшими наивными девушками. Как ломают их личность, стирают индивидуальность и превращают в послушных марионеток. В безвольных овечек, думающих, что они имеют тут власть, что сами

решают, когда и с кем, а на самом деле… На самом деле все давно решено за них, и этот выбор, что они делают каждый день, — просто миф. Иллюзия, обольстительно ласкающая эго. Она намертво прибивает ржавыми гвоздями к нарядному гобелену собственной важности и медленно, словно паук, высушивает, оставляя после себя лишь оболочку, когда-то гордо носившую титул «человек».

«Сколько же девочек проходит через эту сволочь каждый день, сколько, блин, их эта тварь испоганила?! — спрашивала себя Эмили, смотря на демоническое свечение красной лампы. — А сколько же еще будет… Не-е-ет! Теперь-то я точно не уйду… — Она крепко сжала в руках браслет. — Особенно сейчас… Сейчас, когда я вошла в этот первый круг Ада, когда прикоснулась к этому пламени, к этой лавовой реке из сломанных душ и ошметков достоинства», — вспомнила она еще одну цитату из книги, которую читала утром в метро, и, надев на левую руку синий браслет, решительно вышла из комнаты.

Глава 2

Выйдя из мрачной комнаты, Эмили вновь очутилась в уже знакомой атмосфере нью-йоркского клуба. Повсюду танцевали люди, по ушам долбила электронная музыка, ритмично мерцал неоновый свет, а на высоких подиумах красотки в стиле гоу-гоу энергично двигались под рейв-бит. Оглядевшись вокруг, Эмили сразу направилась в темный коридор, по которому ее привел охранник, и снова подошла к скрытому от посторонних глаз входу в секс-клуб «Грезы Афродиты». Теперь там стоял лишь один охранник — второй, чернокожий лысый мужчина с явной армейской выправкой.

— Пропуск. — Он вытянул вперед ладонь.

Эмили, долго не думая, задрала левый рукав потрепанной временем джинсовой куртки и уверенно показала синий браслет.

— Босс? — Не отрывая взгляда от синей вещицы, охранник приложил пальцы к закрепленному на ухе устройству связи.

В мягком кресле, обитом дорогой красной кожей, сидел черноволосый мужчина среднего роста с острыми чертами лица — Майкл Блэквуд, владелец секс-клуба. Закинув ногу на ногу, он задумчиво выпускал изо рта ровные кольца дыма и крутил по краю хрустальной пепельницы дорогую кубинскую сигару. Взгляд его был устремлен в один из множества мониторов, что висели напротив в несколько рядов. Розовый неоновый свет отражался от зеркальных стен и, кокетливо расползаясь по комнате, танцевал в клубящемся по полу декоративном дыму. Помещение было окутано интимной расслабляющей атмосферой, которую усиливали шарм и красота девушек в откровенных вечерних нарядах. Они игриво перешептывались на большом угловом диване и, готовые воплотить любую фантазию хозяина, с нетерпением ожидали своего часа.

Сделав глоток виски и отставив в сторону бокал, Майкл вплотную подошел к большому экрану. Не веря своим глазам, он пристально разглядывал Эмили. Ее длинные при невысоком росте ноги, что в старых облегающих джинсах казались просто бесконечными. Округлую грудь второго размера, покрытую белой короткой маечкой. Тонкую шею, что строго подчеркивала скульптурную челюсть, милый курносый нос, впалые щеки с четкими скулами, маленькие губы и бездонные глаза. Серые, блестящие, несправедливо спрятанные за нелепыми очками. Все это казалось ему не просто старым и забытым наваждением, а вспыхнувшим заново пожаром из низменных инстинктов демонической страсти. Пожаром, что бросал в дрожь, гулял строптивыми волнами по животу и, учащая пульс, возбуждал. Затмевал рассудок. Сжигал дотла в черной, как смола, душе последние островки света и оставлял после себя лишь вожделенные грезы — обрывки извращенных желаний с извивающимися вокруг Эмили в танце Камасутры тенями.

«Не может быть», — подумал Майкл, продолжая гореть в этом пламени животного возбуждения.

— Афродита, — медленно произнес он, краем глаза замечая, как в комнату зашел Луис — охранник, что был с Эмили.

— Босс, вы тут? — повторил в наушник охранник у входа.

— Пусть заходит, — уверенно сдержал эмоции Майкл и повернул голову к Луису. — Проверил ее? Не испортил? — Он вновь перевел взгляд на монитор.

— Все по инструкции, босс, — ровным голосом сказал тот. — Только подрочила.

— Молодец, можешь идти.

— А по базе прогнать? Вдруг она не прос…

— Я сказал, можешь идти, — спокойно перебил Майкл и вернулся в кресло.

Допив жадными глотками виски и вновь сосредоточив свой взгляд на Эмили, он несколько раз громко щелкнул пальцами.

Девушки, что шептались на диване, как по команде притихли и одновременно устремили свои настороженные взгляды в единственный темный угол. По-настоящему черный и пугающий, казавшийся до этого момента безжизненным и пустым. Угол, откуда, громко постукивая каблуками и грациозно виляя бедрами, вышла Жюстин. Жюстин де Сен-Бурже — правая рука Майкла. Высокая, стройная и зеленоглазая француженка средних лет с черным каре до плеч и рубленой прямой челкой. Будучи нелегальной эмигранткой, она имела особый соблазняюще-сексуальный акцент. Мелодично грассируя «р», королева теней не просто умело обольщала жертв своих интриг, но и сладко убаюкивала их бдительность, легко втиралась в доверие и в конце, не ведая эмпатии, вытворяла с ними все. Все, что потребует Майкл. Черный облегающий кожаный комбинезон выглядел на ней сегодня особенно эротично. Он подчеркивал каждый изгиб ее спортивного тела, а черные сапоги на высоких шпильках, дерзко сливаясь с нарядом, удлиняли и без того длинные голени хозяйки клубной паутины.

— Oui, — бархатным голосом, с налетом ласкающей слух хрипоты, сказала «да» по-французски Жюстин. — Звал?

Майкл неторопливо указал сигарой на монитор.

— Богиня.

— Среди бродяжек, что ли? — нахмурив брови, посмотрела в монитор француженка. — Да и то…

— И как, блядь, у тебя получается ревновать? Не понимаю. — Майкл без труда считал эмоции Жюстин. — Ты же меня ненавидишь.

— Не льсти себе. — Не отрицая всегда бьющую в цель правоту хозяина, посмотрела на него свысока Жюстин.

— Нездоровая любовь к себе — это патология, в курсе? — подколол самолюбие француженки Майкл.

— Va te faire foutre (Иди в жопу), — по-французски огрызнулась Жюстин.

— Да говори ты нормально, сколько просить еще?

— Перевожу. Чего тебе угодно, мой властный повелитель?

— Можешь не выебываться? В общем. Иди сейчас вниз, прояви гостеприимство и учтивость. Учтивость, блядь! — громко повторил Майкл. — Встреть ее, покажи все, расскажи, заинтересуй. Пылинки сдувай, если надо, но сделай так, чтобы она сюда вернулась. — Хозяин клуба сделал глоток виски. — Этот экземпляр уникальный. Варить будем медленно. Медленно, Жюстин, как лягушку, чтобы она даже не поняла, как шлюхой стала. Ясно?

— Oui.

— Кстати, а вы у себя их там как варите?

— На гриле жарим, — черство оборвала Жюстин. — С кровью. — Она резко метнула пренебрежительный взгляд на засмеявшихся девушек и, плавно покачивая бедрами в такт стуку каблуков, вышла из кабинета.

Майкл поднялся со стула и замер у монитора.

«Я сломаю тебя. Сначала волю, потом оскверню тело и в конце порабощу дух. В этот раз ты будешь со мной навсегда, Афродита», — мечтательно подумал хозяин клуба и, предвкушая, сладко улыбнулся.

За спиной Эмили звонко захлопнулась металлическая дверь. Грохот музыки резко стих, а на его место пришла расслабляющая и приятная мелодия бамбуковой флейты. Журналистка тут же осмотрелась по сторонам и осторожно направилась вперед по обшитому красным атласным шелком коридору. Нежный розовый неон красиво отражался от декоративных зеркал и плавно погружал в атмосферу фантазий. Пройдя несколько метров и завернув за угол, Эмили

очутилась у белоснежных, словно ворота в рай, арочных дверей с дымящейся сбоку красной надписью «Грезы Афродиты».

«Все хорошо, я справлюсь», — мысленно подбодрила она себя и, сделав глубокий вдох, настежь распахнула двери.

Перед глазами Эмили тут же предстал поражающий своими размерами и красотой атриум. В центре него располагался бассейн, из которого били фиолетово-розовые струи фонтана. Они величественно вздымались над водой, образуя вокруг исполинской статуи Афродиты своеобразный купол, и цветными каплями разлетались на обнаженных, плескавшихся у ног богини посетителей. Мимо них в откровенных вечерних нарядах бродили и другие гости. Они элегантно держали бокалы с шампанским и, вежливо улыбаясь, беседовали. В клубе царила жизнь.

По левую сторону от фонтана стояли круглые столики с лампами в виде сердечек, а по периметру стен — диваны, плотно забитые выпивающими людьми. По правую сторону размещались клетки, в которых полуобнаженные юноши и девушки, сверкая зелеными браслетами, возбуждающе-похотливо танцевали и заманивали к себе посетителей. Любой желающий мог подойти к ключнику и оплатить эти идеальные тела для своих самых сокровенных фантазий. Гости, конечно, платили и, никого не стесняясь, воплощали их прямо на месте. Будто животные в зоопарке, они, забыв о морали, слепо наслаждались инстинктами. В центре за статуей, под массивным балконом второго этажа располагался бар, где сидели очаровательные девушки модельной внешности и статусные мужчины. Кто-то просто беседовал, а кто-то, не ведая стыда, мастурбировал на занимающихся сексом гостей клуба.

Секс был повсюду и ярко сопровождался дикими стонами, жалобными криками, безудержным смехом и звонкими шлепками тел. Все это не просто не перебивало некогда расслабляющую мелодию флейты, но и сливалось для Эмили в один единый нарратив. Нарратив дурманящего вожделения и страсти. Погружая в гипнотический транс, он непристойно возбуждал, воспламенял эрогенные зоны и, прорываясь через детское смущение внутрь, всеми силами пытался раскрепостить и нагло затянуть ее в эту липкую паутину разврата.

Как, например, того плешивого старикашку, который без тени стеснения прижимал животом к барной стойке молоденькую тайку и, не обращая внимания на попытки последней вырваться, сильными толчками вгонял свой стручок в ее лоно. Или как официантку в красной облегающей юбочке, что, оставив поднос на полу, жадно заглатывала член обрюзгшего толстяка. С грязной от соуса мордой тот поедал курицу и смотрел, как перед ним на столе чернокожие парни огромными членами буквально рвали на части его уже немолодую супругу. А может, и как ту роковую госпожу, плетью хлеставшую у клетки худощавого мужчину с залысиной. С шакальим взглядом он жалобно просил добавки и злобно таращился на большие перины у соседней стены. Агрессивно завидовал тому, как в пламенном танце экстаза знойные мужчины и эффектные женщины, сливаясь воедино, переплетались друг с другом десятками тел. В воздухе стоял сильный запах спермы и женской смазки, азиатских ароматизаторов, гелей и масел. Все это резко било Эмили в нос и сначала отталкивало, но затем… затем возбуждало.

Журналистка, оторопев, стояла и с открытым ртом смотрела на весь этот «Вавилон». На это мерзкое и грязное место, что неприкрыто ужасало и одновременно так сладко манило. Нещадно стыдило, но почему-то заставляло открыться. Эмили пребывала в смятении, в ее голове свирепо бушевала самая настоящая битва льда и пламени. Она хотела убежать и не меньше хотела остаться. Одна ее часть испуганно робела, но другая… Та, погребенная под обломками боли, неистово рвалась наружу.

Эмили чувствовала, как сверлящие взгляды посетителей сходятся на ней плотным клином, и ощущала себя белой вороной посреди стаи матерых сородичей, что так жадно вкушали падшую во всех смыслах плоть. Эта явно неподходящая одежда, эта гипертрофирован-

ная неловкость, бегающий взгляд, резко уходящий в пике при любом столкновении со взорами вечно голодных стервятников. Все кричало само за себя.

«Ну нет! Я не смогу… К черту повышение, к черту его! Надо просто уносить отсюда ноги. Не так я себе это все представляла. Тут все, блин, не так!» — с тревогой подумала Эмили. Это настырное женское внимание, эти раздевающие взгляды мужчин… Ей и правда казалось, что если она хоть на секунду потеряет бдительность, хоть на одну, то тут же насильно лишится власти над телом или еще страшнее — сама… сама запутается в этих дьявольских сетях вожделения, став очередной жертвой притаившихся во тьме соблазнов.

Закрыв глаза и думая только о цели, Эмили пыталась побороть свои страхи, настроиться, собраться, но не могла. Шаг за шагом, сама того не замечая, она медленно отходила назад. В голове стучал бешеный ритм, видимо, решившего пробежать марафон сердца, ладони потели, а дыхание учащалось.

— Гав! Гав!

В ногу Эмили врезалось что-то рыхлое, большое и мерзко слюнявое.

— Р-р-р-р! Р-р-р-ав! — ползая вокруг на коленях, снова изрек голый пожилой мужчина в меховом ошейнике.

«Что за…» — отпрыгнула от неожиданности Эмили и выставила вперед ногу, готовясь отражать нездоровый интерес обрюзгшего пухляша.

— Р-р-р-р! Р-р-р-р-ах! — пытаясь вступить с ногой Эмили в интимную связь, прорычал мужчина в ошейнике.

— А ну фу! — послышалось со стороны. — Фу, я сказала!

Будто из ниоткуда, перед Эмили появилась высокая и всем своим видом внушающая уважение женщина.

— Плохая! — звонко шлепнула пухляша ремнем по заднице Жюстин. — Плохая собака!

Мужчина в ошейнике громко заскулил и, получив еще один сильный шлепок по мягкому месту, уполз в сторону клеток, потирая его.

— Долбаный извращенец, — приятно грассируя, произнесла Жюстин и, улыбаясь, подошла к Эмили. — Прошу прощения за окружного судью. Он иногда… заигрывается.

— Это Рик Хейли, что ли? — округлила глаза Эмили.

— Oui, — сказала «да» француженка и протянула для знакомства руку. — Жюстин. Можно Жю.

— Эмили. Можно Эми. — Она робко пожала Жюстин холодную как лед руку.

— Первый?

Эмили кивнула и окинула взглядом Жюстин, властную, уверенную в себе и непоколебимую француженку, которая лишь одним своим видом вызывала желание прислуживать и подчиняться. Было в ней что-то сверхъестественное и таинственное, что-то, что не поддавалось объяснению, пленяло разум и заставляло с легкостью ей открыться.

— Пойдем, — с улыбкой показала на фонтан Жюстин.

От ее ласкающего слух голоса Эмили почему-то стало намного спокойнее и даже чуточку светлее.

— Я тебе все покажу. — Жюстин легонько подтолкнула Эмили в спину.

В этот момент журналистка почувствовала приятный прилив сил, уверенности и легкости. Они будто ментально исходили от этой, без преувеличения, роковой женщины и смело вели вперед.

— Да не надо так бояться. Обещаю, всегда буду рядом, — продолжала подбадривать француженка, наблюдая за робкими шагами Эмили.

— Я не боюсь, просто… — неуверенно сказала та.

— Просто думаешь, что вся эта толпа на тебя сейчас накинется? — Жюстин засмеялась.

— Честно говоря, да.

— Не накинется… У нас тут правила строгие, — баюкая бархатным голосом, продолжала успокаивать Жюстин.

— А у бара? Там… Я просто видела.

— Ты про нимфу? Ой, уверяю тебя, она была не против.

— Нимфу? — проявила любопытство Эмили, проходя с Жюстин мимо фонтана.

— Те, кто никогда не против.

— А как ими становятся? — не унималась Эмили.

— Давай я лучше тебе расскажу правила, это сейчас важнее, — резко сменила тему разговора Жюстин.

«Что за нимфы такие, которые всегда хотят, и почему она не хочет о них говорить?» — подумала Эмили, вспомнив о цели своего визита.

— Точно. Правила, — сказала она, сообразив, что слишком далеко зашла с вопросами.

— Запоминай. Белый браслет на руке – элита, они волки. Желтый браслет – постоянные члены клуба, крестьяне, они играют с волками, продаются им и пожирают овец – зеленый браслет.

— Нимф?

— Также у нас есть комнаты, и их много. Правила у каждой свои. И сейчас хорошо запомни, слышишь? Если ты вошла в комнату, то выйти оттуда сможешь только тогда, когда выполнишь все условия этой комнаты. Иммунитет белых и желтых браслетов атриума там не действует.

— А если я по ошибке и выйти захочу?

— Лучше этих ошибок не делать.

— А что тогда?

— Пункт правил номер семь. Если кратко, то будут особые меры взыскания и постоянный запрет на посещение клуба.

— То есть в этом атриуме на меня не накинутся?

— У тебя зеленый браслет?

— Синий. Кстати, а синий? — посмотрев на браслет, спросила Эмили.

— Полный иммунитет первого дня. Даже для комнат, — улыбнулась Жюстин. — Легче?

— Как гора с плеч, если честно, — улыбнулась в ответ Эмили.

— Ну, вот и замечательно. Осваивайся и никого не бойся. — Жюстин похлопала Эмили по плечу и направилась в сторону махавшего ей седовласого мужчины в дорогом костюме.

— А вы? — крикнула вслед Эмили.

— Я узнаю, если тебе нужна будет помощь. Все, давай смелее, — улыбнулась Жюстин и, соблазнительно виляя бедрами, слилась с толпой.

Проводив француженку взглядом, Эмили осмотрелась. Она понимала, что если все слова Жюстин правдивы, то, по крайней мере, сейчас ей ничего не грозит, поэтому нужно по максимуму воспользоваться этим шансом и накопать как можно больше информации. Собрать материал хотя бы для начала своей статьи, которая, как она вновь начала думать, поможет ей не только занять должность в «Секретах закулисья», но и разворошить это осиное гнездо, а затем навсегда уничтожить. Воодушевленная новым пониманием своей роли и поборов весь сегодняшний страх, Эмили обратила внимание на молодого парня с зеленым браслетом. Судя по всему, филиппинца. Он одиноко стоял у бара, рядом с ведущей на второй этаж лестницей и пристально высматривал кого-то в толпе.

— Привет. — Эмили уверенно подошла к нему и встала рядом.

Филиппинец неохотно повернулся и равнодушно окинул ее взглядом, а затем снова уставился в зал.

— Я первый день, — продолжила Эмили, вслед за ним устремив взгляд на тусовку рядом с бассейном.

— Плохо английский. — Филиппинец не спускал глаз с толпы.

— Да я только спросить хотела о браслетах, — четко проговорила каждое слово Эмили. — Бра-сле-тах, понимаешь? — показывая на свой синий, продолжала она.

— Зеленый. Желания исполнять. — Филиппинец развернулся и показал ей руку с браслетом.

— Да не. Это-то понятно. Мне интересно, где и как ты его полу… — Не успев договорить, Эмили почувствовала легкий толчок бедром от одетой в красное вечернее платье седовласой дамы лет шестидесяти и отшатнулась в сторону.

— Кыш, деточка! Это ма-а-амина конфетка! — Поправив белый браслет, дама в красном бросилась на шею юноше и начала жадно облизывать его лицо.

Филиппинец не сопротивлялся и, казалось, был полностью во власти ее губ и рук, что с такой неприкрытой страстью его раздевали и ласкали. Но все изменилось, когда появилась она — стройная загорелая молоденькая филиппинка с таким же, как у него, зеленым браслетом. В коротком сиреневом платье и в прозрачных туфлях на высокой шпильке она обольстительно шагала в сопровождении двух мужчин, которые друг с другом о чем-то перешептывались и смеялись. Взгляд филиппинца моментально изменился и ревниво заполыхал огнем. Одним хлестким движением руки он тут же скинул с себя даму в красном и, как зашоренный конь, помчался в сторону трио.

— Да как… Как ты смеешь, животное! Охра-а-ана! — раскорячившись на полу, пронзительно завизжала дама в красном.

Не замечая эти истеричные крики и расталкивая всех на своем пути, филиппинец слепо бежал вперед.

— Мэй! Мэй! — прокричал он, не обращая внимания на грохот выбитого из рук официантки подноса.

— Нино?! — Услышав знакомый голос и обернувшись, Мэй застыла на месте.

— Мэй! Мэ… — Удар электрошокера мгновенно прервал филиппинца и повалил на пол.

В глазах Нино тут же потемнело, а тело, казалось, разом пронзила тысяча мелких иголок. Жуткая боль расползалась по всем его мышцам и атрофировала их. Из последних сил он продолжал ползти к расплывчатому силуэту Мэй, что в сопровождении двух теней покорно удалялся и растворялся в накатывающей на юношу тьме. Эмили с болью в сердце наблюдала за тем, как обмякшее тело Нино утащили из атриума, а опустившая понурый взгляд Мэй вошла за мужчинами в комнату. Она с презрением смотрела на то, как вставшая с пола дама в красном, стоя у бара со стаканом виски, эмоционально жестикулировала перед одобрительно внимающей публикой, и удивлялась тому, как люди, словно не желавшие видеть произошедшего, продолжали спокойно танцевать и веселиться.

«Почему он ее тут-то караулил? Побежал еще так, будто это единственный шанс с ней встретиться. На той же улице нельзя было поговорить? А если… если он ее вообще остановить хотел? Не дать зайти в комнату? — задавала себе вопросы журналистка, стоя у лестницы на второй этаж. — Нет, это определенно странно и как-то… подозрительно сложно. Вот с этого и начну расследование, надо убедиться только, что она там, а то мало ли, вдруг еще выходы какие оттуда есть?» — И Эмили направилась к двери, куда зашло трио.

Серебристая табличка с красными буквами у входа в комнату гласила: «Повелитель марионеток». Читая эту надпись, Эмили мысленно прокручивала все знакомые ей сексуальные жанры, но так и не могла понять, что это означает. «Жюстин же сказала, что бояться мне нечего. Загляну. Если она точно там, то дождусь за столиком напротив. Все хорошо будет», — сдерживая вновь возникшую тревогу, подумала Эмили и, уже по привычке посмотрев по сторонам, дернула дверь на себя. Та не поддалась. Сделав еще несколько безуспешных попыток войти, она все же заметила загоревшуюся сбоку под табличкой надпись: «Не беспокоить».

«Ну блин! Как так-то? Секс-клуб же. Наверно, придется ждать наобум», — не отпуская ручку двери, решила Эмили.

— А-а-ага! Попалась! — неожиданно ухватив Эмили за талию, звонко выкрикнула Жюстин.

Эмили резко обернулась и, рефлекторно отскочив назад, глухо впечаталась спиной в дверь.

— Я просто… — чувствуя, как сердце буквально вылетает из груди, выдавила она из себя.

— Ты чего? Шучу же я! — сквозь громкий смех произнесла Жюстин. — Шучу! — Француженка взяла Эмили за пальцы и игриво ими потрясла.

Эмили испуганно стояла, прижавшись к двери, и таращилась на смеющуюся Жюстин. Смех… Опять этот дебильный смех! Он будто снова возвращал в кабинет Лукреции и поднимал со дна это кромсающее непоколебимость чувство. Чувство, что безжалостно давило и унижало. Вызывало бесконтрольное желание умчаться домой и, спрятавшись там под одеялом, тихо плакать в подушку.

— Putain! Il me tuera! (Блядь! Он же меня убьет!) — выругалась Жюстин.

— Простите, но я лучше… — Эмили двинулась в сторону от двери.

— Non, non, non!

Жюстин придержала Эмили рукой.

— Слушай, ну прости, — тяжело вздохнула француженка. — Позволь мне исправиться, — положив руку на плечо, добавила она и, пригнувшись, виновато заглянула Эмили в глаза. — Хочешь посмотреть, что там? А? За дверью. Я могу, скажем так, немножко нарушить правила и показать. Ну? Хочешь же, oui?!

Эмили четко понимала, что другой возможности узнать о Мэй не предвидится, но это мерзкое чувство из кабинета Лукреции продолжало высасывать смелость и отпускать вовсе не хотело.

— Мне… мне правда нужно идти, — неуверенно произнесла она.

— Ну, Эмили. Я же не виновата, что вы все такие… Как это сказать?.. Не видите, в общем, ничего, а потом пугаетесь, — подбирая слова, пыталась оправдаться Жюстин.

— Все?

— Все, Эмили, все. Один тут вообще уссался, так что ты еще молодец. — Француженка ободряюще похлопала Эмили по плечу.

«Ведь и правда переживает, — подумала та, чувствуя, как страх потихоньку отступает. — Все. Тихо. С каких пор я вообще стала такой трусихой? Уже от каждого шороха на стенку лезу. Что эта ведьма со мной сегодня сделала-то? Надо собраться. Упускать такую возможность просто нельзя. Я должна. Обязана, черт возьми, убедиться, что Мэй там, а если нет, то хотя бы посмотрю, что за комнаты такие и как тут все устроено. Ну нужен мне… нужен, блин, любой материал. Статья сама себя не напишет», — все же решилась Эмили.

— Если одним глазком только.

— Bonne fille! (Хорошая девочка!) Можешь даже двумя. — Жюстин радостно подмигнула и, держа гордую осанку, повела Эмили вдоль комнат.

— А почему запрещено? — решив воспользоваться ситуацией и глубже вникнуть в устройство клуба, спросила Эмили.

— Подсматривать? — мелодично грассируя, уточнила Жюстин и, кивнув расступившимся охранникам, за талию направила Эмили в небольшой коридор. — Анонимность. Некоторые любят уединенную атмосферу для своих… как бы помягче… фантазий. Понимаешь?

— Получается, не везде запрет? — продолжила Эмили, следуя за Жюстин по темному, кое-где освещенному тусклым розовым неоном коридору.

— Oui. Не везде.

— А как понять?

— По цвету надписи. Красная — нельзя, зеленая — можно. — Жюстин остановилась. — Прошу. — Француженка указала на черную деревянную дверь.

Мрачная тускло-розовая обстановка плавно перетекала из коридора в комнату. Огромное, на всю стену зеркало, стоящий напротив большой черный диван. Кирпичная стена с одинокой полоской неона. Бутылка дорогого шампанского на стеклянном столике. Все это создавало загадочную, а местами даже мистическую, но уютную уединенную атмосферу.

— Assieds-toi (Присаживайся). — Жюстин вежливо указала на мягкий диван.

— Темновато тут, — потрогав приятную на ощупь ткань, сказала Эмили и осторожно присела.

— Сейчас исправим, — улыбнулась Жюстин и, подойдя к кодовой панели на стене, ввела комбинацию цифр.

Зеркало в мгновение ока стало идеально прозрачным и бессовестно открыло вид на соседнюю комнату с филиппинкой. Лиловый свет, что струился оттуда, красиво подсвечивал летающие в комнате пылинки и мягким, успокаивающим потоком растекался по полу.

— А они? Они видят? — прижавшись к боковине дивана и застенчиво сомкнув ноги, прошептала Эмили.

— Non, — прошептала Жюстин, наливая в фужер шампанское. — Правила же, — незаметно капнув в напиток возбудитель, добавила она.

— Правила… Точно, — задумалась Эмили.

— Расслабься, тут никто тебя не потревожит. — Француженка передала наполненный до краев фужер.

— Я не особо-то алкоголь… — неохотно взяла фужер Эмили.

— Поверь, тебе надо, — улыбнулась Жюстин, заботливо положив ладонь на плечо Эмили.

— А ты?

— Хочешь, чтобы я осталась?

— Не совсем, просто… — стараясь не обидеть Жюстин, подбирала слова Эмили.

— Не переживай, меня там и так куча извращенцев ждет, грустить точно не буду, — сказала Жюстин и направилась к выходу. — Но если совсем приспичит, то просто нажми там на колокольчик, — обернулась и кивнула на кодовую панель она.

— Спасибо, — прошептала Эмили.

— Чуть не забыла! — Жюстин внезапно остановилась и, нажав клавишу у двери, включила расслабляющую музыку. — Qu'il y ait de la musique! (Да будет музыка!)

— Ты чего?! Услышат же!

— Звукоизоляция, — рассмеялась Жюстин.

— А шептали мы тогда зачем? — рассмеялась в ответ Эмили.

— Чтобы сейчас тебе стало легче, oui? — подмигнула Жюстин и вышла из комнаты.

Уютное лиловое свечение и атмосфера полумрака продолжали сладко затягивать Эмили в пучину интимных грез и желаний. Они манили, совращали, окутывали приятным зноем и, разгоняя теплую кровь, бесстыдно направляли ее ко всем эрогенным зонам. Это предвкушение… предвкушение чего-то запретного, аморального, грязного наглыми волнами гуляло по всему телу журналистки и безжалостно учащало пульс.

«Да что я за курица-то такая… Нельзя! Нельзя мне об этом думать! Я, блин, профессионал или кто?! Нет, я напишу… Кровь из носа напишу эту статью и докажу ведьме! Все докажу! Закрою этот долбаный клуб к чертовой матери!» — злилась на себя Эмили за почему-то нахлынувшее возбуждение и лихорадочно пыталась спрятать его в свою спасительную «ледяную могилу». Сделав небольшой глоток шампанского и поставив фужер на боковую спинку дивана, она передвинулась в его центр, протерла очки и, облокотившись на сведенные вместе колени, стала всматриваться в прозрачное зеркало.

Глава 3

Мэй, широко расставив ноги и опустив взгляд в пол, покорно стояла в центре душной комнаты. Неоновый свет поблескивал на ее прозрачных туфлях и оливковой коже. Напротив сидели двое. Отец, вальяжно развалившийся на белом кожаном диване, и его сын, восемнадцатилетний юноша, сладко смотрящий на рел

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.